

Научная статья

УДК 94(470.51)“16/19”

DOI: 10.32516/2303-9922.2024.51.15

Населенные пункты бесермян в XVII — середине XX века

Николай Викторович Пислегин

Удмуртский институт истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН, Ижевск, Россия, cpeg@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3031-031X>

Аннотация. Статья посвящена изучению эволюции сети населенных пунктов бесермян, основных путей их миграций в XVII — середине XX в. Основными источниками для исследования послужили материалы писцовых описаний и подворных переписей, ревизских сказок, статистические данные, работы П. М. Сорокина и Т. И. Тепляшиной. В начале XVII в. бесермяне фиксировались в шести погостах и начинали осваивать еще один починок. К середине XVII в. появились первые деревни и починки на территории современной Удмуртской Республики. Наибольший рост численности бесермянских поселений наблюдался во второй половине XVIII — начале XIX в. Более четверти из них достаточно быстро забрасывалось, иногда в последующем бесермяне вновь появлялись на ранее покинутых местах. С самого начала характерной их особенностью было совместное проживание с представителями соседних народов (татар, удмуртов, русских). Уже на ранних этапах наблюдались ассимиляционные процессы. Массовая христианизация, с одной стороны, ускорила отатаривание бесермян, не принявших крещение, с другой — способствовала вхождению в их состав относительно немногочисленной части крестившихся чепецких татар. В середине XX в. представители народа проживали в десятках селений, преимущественно располагавшихся в Северной Удмуртии. Отдельное внимание уделено анализу бесермянских фамилий и их трансформации по данным переписей начала — середины XVIII в. Наметившийся к началу XVIII в. состав прозвищ-дедичеств в середине столетия был дополнен фамилиями христианского и, в меньшей степени, традиционного происхождения.

Ключевые слова: бесермяне, чепецкие татары, удмурты, переселения, поселенческая сеть, Каринский стан, Северная Удмуртия, ассимиляция, фамилии, христианизация.

Для цитирования: Пислегин Н. В. Населенные пункты бесермян в XVII — середине XX века // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2024. № 3 (51). С. 257—273. URL: http://vestospu.ru/archive/2024/articles/51/15_51_2024.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2024.51.15.

Original article

Settlements of Besermyans in the XVII — mid-XX century

Nikolaj V. Pislegin

Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Izhevsk, Russia, cpeg@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3031-031X>

Abstract. The article is devoted to the study of the evolution of the network of settlements of Besermyans, the main routes of their migration in the 17th — mid-20th centuries. The main sources for the study were the materials of census descriptions and household censuses, census tales, statistical data, the works of P. M. Sorokin and T. I. Teplyashina. At the beginning of the 17th century, Besermyans were recorded in six pogosts (or villages) and began to settle in another pochinok (small new settlement or forest clearing). By the middle of the 17th century, the first villages and pochinoks appeared on the territory of the modern Udmurt Republic. The greatest increase in the number of Besermyan settlements was observed in the second half of the 18th — early 19th centuries. More

© Пислегин Н. В., 2024

than a quarter of them were abandoned fairly quickly, sometimes later Besermians reappeared in previously abandoned places. From the very beginning, their characteristic feature was cohabitation with representatives of neighboring peoples (Tatars, Udmurts, Russians). Assimilation processes were observed already at the early stages. Mass Christianization, on the one hand, accelerated the Tatarization of the Besermians who had not accepted baptism, on the other hand, it contributed to the inclusion of a relatively small part of the baptized Chepetsk Tatars into their ranks. In the middle of the 20th century, representatives of the people lived in dozens of villages, mainly located in Northern Udmurtia. Special attention is paid to the analysis of Besermian surnames and their transformation according to the censuses of the early — mid-18th century. The composition of nicknames derived from grandfathers' names that had emerged by the beginning of the 18th century was supplemented in the middle of the century by surnames of Christian and, to a lesser extent, traditional origin.

Keywords: Besermians, Chepetsk Tatars, Udmurts, migration, settlement network, Karinsky Stan, Northern Udmurtia, assimilation, surnames, Christianization.

For citation: Pislegin N. V. Settlements of Besermians in the XVII — mid-XX century. *Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 2024, no. 3 (51), pp. 257—273. DOI: <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2024.51.15>.

Введение

Обращение к этнической истории бесермян и, в частности, к развитию их поселенческой сети имеет давнюю и значительную историографическую традицию начиная с середины XIX в. [12; 38, с. 5—22]. Наряду с деревнями других нерусских народов Вятской губернии бесермянские селения по состоянию на 1869 г., пусть и не без погрешностей и недочетов, были отмечены в дореволюционном издании, материалы для которого подготовил губернский статистический комитет [1, с. СХVIII—СХIX]. Не потеряло своей актуальности еще одно дореволюционное исследование, подготовленное в 1893—1895 гг. Его автор, П. М. Сорокин, на основе скрупулезного анализа ранних переписей, в первую очередь I ревизии (с экстраполяцией на более поздние времена на основе анализа фамилий), и статистических материалов второй половины XIX столетия в целом с незначительными ошибками перечислил, вместе с остающимися бесермянскими, селения, где потомки народа уже причисляли себя к татарам либо удмуртам. В наши дни статья П. М. Сорокина опубликована В. С. Чураковым [57].

Материалы всесоюзной переписи 1926 г. нашли отражение в работах Р. Шубина и П. Н. Луппова. Несомненной заслугой первого из них стала фиксация проживания бесермян к северу от мест компактного расселения (Афанасьевская волость Омутнинского уезда Вятской губернии) [59]. П. Н. Луппов по данным П. М. Сорокина и земской переписи 1891—1893 гг. провел сопоставительный анализ населенных пунктов бесермян в конце XIX в. и в 1926 г. Особое внимание в его статье уделено их погостам, деревням и починкам в XVII в. [7].

Момент наивысшего развития сети бесермянских селений в середине XX в. наиболее подробно, по всей видимости, описан Т. И. Тепляшиной. Исследователь обращалась к переписям 1615, 1646, 1662, 1678 и 1717 гг., статистическим данным второй половины XIX — начала XX в., а также на основе преданий отразила переселенческие процессы по трем совокупностям родственных деревень: 1. Карино — Жувам — Иманай, Митрошата — Малые Итчи; 2. Ежево — Усть-Лем, Турчино, Ежевский починок — Пибаньшур; 3. Татарские Ключи, Починки — Тылыс [38, с. 23—35]. В последующих изысканиях в вопросах эволюции численности бесермян, развития их поселений мы обнаруживаем отсылки к ранее опубликованным работам, углубляются познания на основе обращения к переписям, в том числе неопубликованным, обобщающим материалам XVIII—XX вв. и данным полевых этнографических исследований [3, с. 97, 104, 117; 5, с. 29—35; 13, с. 6—8].

Цель настоящего исследования — рассмотрение развития сети поселений, в которых проживали бесермяне на протяжении XVII — первой половины XX в. Для этого необхо-

димо определить их первоначальное ядро, выделить отдельные этапы переселенческого процесса, отметить факторы, влиявшие на поселенческую структуру.

Нижняя хронологическая граница обусловлена наличием самых ранних массовых письменных источников, верхняя — окончанием истории традиционного общества в России, разрастанием урбанизационных процессов, которые, без сомнения, отразились и на бесермянах. Новизна такого обращения заключается в подробном рассмотрении в рамках заявленных хронологических границ наименее освещенного ранее периода — XVIII — середины XIX в. При этом мы не ставим задачу обсуждать эволюцию общей численности народа на протяжении данного исторического времени, поскольку это уже неоднократно сделано, например, в указанных выше работах П. М. Сорокина, П. Н. Луппова, М. В. Гришкиной, Д. М. Исхакова и др. Кроме того, в дальнейшем нами планируется издание генеалогического списка бесермян, который в том числе покажет рост их численности на протяжении XVII — середины XVIII в. Отметим только, что количество представителей народа с нескольких десятков дворов (более 35, где могло проживать значительно более 100 человек) в начале XVII в. возросло до более 1,3 тыс. душ обоего пола согласно I ревизии (1722 г.) и до более чем 10 тыс. человек в начале XX в. [32, л. 505—530 об.; 27, л. 559—713 об.; 7, с. 45].

Источниковой базой исследования является комплекс опубликованных и неопубликованных материалов. Среди изданных, помимо работ указанных выше авторов, наиболее важны дореволюционные публикации земских статистиков [1; 8], а также электронные издания ранних переписей, подготовленные В. С. Чураковым [39; 40], и научная работа преимущественно справочного характера, увидевшая свет в 2020 г. [11].

Из неопубликованных архивных источников нами привлекались дозоры, писцовые описания, подворные переписи, ведомости и ревизские сказки XVII — середины XIX в., хранящиеся в Российском государственном архиве древних актов, Российской национальной библиотеке и Центральном государственном архиве Кировской области [15—35; 41—56]. Отметим, что значительная часть интересующих нас текстов переписей вплоть до середины XVIII в. доступна на интернет-ресурсе «Родная Вятка» [14].

Для облегчения восприятия текста статьи автором дополнительно подготовлена карта развития поселенческой сети бесермян: <https://yandex.ru/maps/?um=constructor%3Ab0583ab0501095a2fcfa76feef4b0eb0d7e32df35c9b34adc45fd9b2e7044d84&source=constructorLink>.

Результаты исследования

Первые массовые достоверные (письменные) свидетельства

Первые сведения по Северной Удмуртии и обширной сопредельной территории современной Кировской области, некогда включенных в Каринский стан Хлыновского уезда, содержатся в дозоре 1615 г. и писцовом описании 1629 г. Посредством экстраполяции на последующие переписи можно говорить о пяти населенных пунктах в низовьях р. Чепцы, где наряду с татарами и удмуртами проживали бесермяне¹: Большой и Нижний

¹ Историографией в целом преодолена проблема соотношения этнословной группы населения Каринского стана, которая в XVII в. именовалась либо «чувашой», либо «бесермянами». Можно также считать определенным примерное место исхода части представителей этнословной группы чуваша в низовья р. Чепцы не позднее конца XV — начала XVI в., где они в течение XVII в. стали обозначаться как бесермяне. В силу отсутствия достоверных письменных источников исследователи для поиска данного места (в широком смысле это правобережье Нижней Вятки и Нижней Камы) привлекали топонимические и лингвистические методы [38, с. 21—22; 9, с. 48—52]. Менее решенная прежде задача наличия людей, отмеченных ранними документами как удмурты, разрешается нами посредством комплексного анализа переписей XVII—XVIII вв., позволяющего включать в народ того или иного «отяка», чьи потомки в дальнейшем четко фиксировались как бесермяне.

погосты (оба в наши дни являются частью с. Карино Слободского района Кировской области), пог. Шамарданов (современная д. Шамарданово Слободского района), пог. Нижний Мочагин (д. Нижнее Мочагино Слободского района, другие исторические наименования — Мочагинская и Понул) и пог. Новый (исчезнувшая во второй половине XX в. д. Новый Погост Слободского района, Нижний Новый Мусин).

В 1615 г., возможно, именно бесермяне «пашут наездом» в займище На Гординском городище (д. Гордино Бalezинского района УР, Гурьякар); им, а также татарам и удмуртам в Каринском стане вплоть до XVIII в. принадлежали поселения, где они зачастую не проживали, а отдавали «исполу» или «из кортома» преимущественно русским крестьянам. Кроме того, в пог. Омсин (д. Омсино Слободского района, Омсино на ключе, Чабья) двор Кылсея Небычина, в 1615 г. отмеченный как удмуртский, скорее всего являлся бесермянским. По крайней мере, с ним здесь можно увязать бесермянский двор Есеита Кувчеева Пиболсина 1646 г. [32, л. 505—530 об.; 28, л. 581—613 об.; 39; 40]¹.

Подворной переписью 1646 г., помимо указанных выше, фиксируется русско-бесермянский поч. Янбахтки Урасина на колодезе. В дальнейшем, по всей видимости, селение исчезло, его бесермянская часть (двор Янки Тухтамышева, происходящий, на наш взгляд, либо из Большого погоста, либо Шамарданова) уже в дополнительной переписи 1647 г. отмечена в Омсино [35, л. 765], а к 1678 г. оказывается в Шудзялуде. В последующих переписях в Омсино бесермяне не фиксируются. П. М. Сорокин неверно указал на принадлежность к ним либо их потомкам жителей данного селения согласно сказкам I ревизии (1722 г.) [57, с. 228—229]. Нам не удалось проследить дальнейшее движение потомков двора Неболсиных/Пиболсиных 1615/1646 г., но их отсутствие в Омсино несомненно. Носители «бесермянской» фамилии Балтачевы, при всем соблазне причислить своих родоначальников к бесермянам, в данном населенном пункте имеют предков-удмуртов.

Массовое переселение на Среднюю Чепцу (середина XVII — начало XVIII в.)

На основании данных 1646 г. можно утверждать, что в это время территория компактного расселения бесермян начинает формироваться на севере современной Удмуртии, в среднем течении Чепцы и ее притоках (Лекма, Лема, Убыть, Варыш, Юнда и др.). Выходцы из Большого погоста подселяются в пог. Бalezин (с. Бalezино Бalezинского района УР, Узя) и д. Красная Слудка (деревни Нижняя и Верхняя Слудки Глазовского района УР, Красноярская), при этом они в административно-территориальном отношении принадлежали к удмуртским частям Каринского стана, и уже к середине XVIII в. их потомки официально являлись удмуртами. Новые переселенцы оттуда же в Бalezино выявлены по данным ландратской переписи 1717 г., именно они и их потомки принадлежали к Бесермянской доле почти весь XVIII в. и как минимум до 1834 г. документально числились бесермянами [11, с. 25, 52, 63, 80, 103, 108, 126, 131, 161, 181, 187, 234, 275, 331, 379, 438, 500]. Тогда же, в середине XVII в., выходцы из Большого погоста и, вероятно, Шамарданова (первоначально совместно с удмуртами) закрепляются в д. Гордино, поселения сюда из Большого погоста фиксируются и позднее, вплоть до середины XVIII в. По всей видимости, из Шамарданова, Большого и Нижнего погостов основывается поч. Вверх Лекмы (с. Ежево Юкаменского района УР), который, будучи в целом этнически однородным, принадлежал до 1797 г. Верхочепецкой удмуртской нижней доле. Удмуртско-бесермянская д. Средняя Ямга на речке на Лекме (д. Зянкино Ярского района УР, Подле Лекмы реки) той же доли свое закрепившееся название, по всей видимости, получила от одного из бесермянских первопоселенцев, выходца из пог. Новый Зянки Тютиня,

¹ Отмеченные здесь публикации источников использовались нами также при оперировании данными вплоть до ландратской переписи 1717 г. включительно. Значительно облегчила обработку ранних источников еще одна работа В. С. Чуракова [58].

названного в документе «отяком». Подворная перепись 1646 г. также одновременно отметила бесермянский двор Байбулата Шихалеева Зендерюшева в Большом погосте и пог. Гоженов (ныне не существующая д. Гажаново Слободского района Кировской области), в дальнейшем в последнем пункте они не отмечались и, по крайней мере частично, оказались в Юнде [31, л. 491—630 об.]. Заметим, что исследователи фиксировали связанные с прошлым предания, согласно которым Гордино, Юнда, Шамардан, Абашево и другие бесермянские селения были основаны из Карино и его окрестностей [37, с. 44; 13, с. 83, 242, 306—307].

По переписи приставных (т.е. вновь образованных) дворов 1662 г. впервые на исторической сцене появляются два населенных пункта. Первый из них — пог. Вверх Лекмы речки за Ежевым погостом у мельничного ключа — современная д. Татарские Ключи Юкаменского района УР (другие названия — Выше Ешева над Лимою, Ключевская, Вукогурт). Он был основан из пог. Нижний Мочагин, д. Красная Слудка, Большого погоста и пог. Новый Нижний. При этом выходцы из последних двух к 1678 г. ушли в д. Починошная. Второй — поч. Выше Верхеево Убыти, предположительно, образовался из Шамарданово через Гордино. Сегодня этот некогда починок являет собой две деревни в Юкаменском районе УР: Палагай (Старый Палагай, Зянбулатов, У речки Убыти Зянбулатов, По Убыте Зянбулатовской, Над речкою Убытью, У речки Убыти, Большой Палагай, Бигер Палагай), частью которой является д. Малый Палагай (Шалькопи), и Гулекшур (Зямбулатовская, Зянбулатовская, Русско-Палагинская, Заходпочинка, Бесерман Палагай; согласно преданиям, записанным Е. В. Поповой [13], основана из Малого Палагая). Их разделение оформляется в начале XVIII в., усилившись с массовым крещением в середине столетия. Первый населенный пункт вначале числился в удмуртской Верхней доле, с середины века — в Бесермянской; второй, Гулекшур, — в удмуртской Нижней доле (позже в ее части — Ежевских деревнях). При этом более поздние (к 1717 г.) выходцы из Красной Слудки в д. Зянбулатовская (Гулекшур) числились в Бесермянской доле (линия затухла к 1795 г.). Т. И. Тепляшиной Палагай и Малый Палагай не указаны как бесермянские, хотя как минимум к середине XX в. даже православная часть бесермян, не говоря уже о потомках отатарившихся, вновь фиксировалась в первом из них. В 1717 г. здесь, в части Верхней доли, появились удмурты, к 1747 г. положившие начало соседней д. Золотарево [29, л. 205—263 об.; 17, л. 141; 21, л. 453—459; 44, л. 491 об.; 13, с. 314—315; 14, <https://rodnaya-vyatka.ru/places/77863>].

Подворная перепись 1678 г. фиксирует три «знаковых» селения: 1) бесермяно-татарский поч. У Лекмы реки ниже Юберевы деревни (д. Починки Юкаменского района УР, Починошная Лекомская, Починовская, Починошная, основанная из Татарских Ключей¹), 2) изначально бесермяно-удмуртский поч. Дузоковский (д. Засеково Юкаменского района УР, Дузиковский, Дасос), 3) поч. Тутаев подле Убыти (д. Тутаево Юкаменского района УР — «отяк» 1646 г. Тупанка Богданов Балтачев из пог. Нижний Мочагин и его потомки, а также выходцы из Большого и, возможно, Нижнего погостов). Особенно причудлива история основания Засеково: его бесермянская часть появилась из погостов Большого (в том числе через поч. У Осокорева озера) и Шамарданова, но в дальнейшем, к 1717—1722 гг., эти жители в основном оказываются в Жуваме, а засековцами становятся выходцы из Нижнего Мочагино. Удмуртская часть, возможно, в течение XVIII в. выделяется в отдельное селение и не имеет численного прироста, по крайней мере, до начала XIX в.

¹ Любопытно, что здесь обычно бесермянская по происхождению фамилия Абашев имеет истоками «строчного наемного казака», татарина не выявленного нами происхождения Кутлеяра Ахмаматьева Абашева. Полагаем, в нашем крае именно его потомков можно считать теми, чьи предки не были бесермянами, о которых, как о татарах Абашевых XVIII в., упоминал П. М. Сорокин.

Также между 1662—1678 гг. в ранее существовавшую удмуртскую д. Шудзялуд (д. Нижний Шудзялуд Дебесского района УР) подселяются потомки отмеченного выше Янки Тухтамышева. Часть их какое-то время, в конце XVII в. и до 1717 г., проживала в д. Ариково (Дебесский район УР) и даже, по всей видимости, успела временно подселить русских крестьян «из кортому», однако в последующем вернулась в Шудзялуд. Данная группа бесермян не имела значительного численного роста (по данным 1795 г. здесь оставалась 1 ревизская душа) и в конечном итоге наряду с подселенцами 1797 г. из Юнды (Балезинский район УР), уже имея «крещеную» фамилию Стрелков, обудмуртилась. Упоминания заслуживает и поч. Против д. Коргурьзи за Чепцою над Лозою (современный Игринский район УР, в относительной близости от д. Каргурезь?), основанный наемным работником татарина Усея Арасланова Бекбулатом Байхватовым Абашевым из Нижнего погоста. В следующих переписях данное селение не упоминается, а его основатель был среди первых жителей д. Абашево [30, л. 516—847; 33, л. 489—690; 34, л. 161—196; 15, л. 1—49 об.; 16, л. 7 об.; 44, л. 518 об.; 46, л. 13 об.; 41, л. 49—52 об.].

Истоками существующих ныне деревень Абашево (Бесермян) и Шамардан Юкаменского района УР следует считать починки Бекбулатов и Туктамышев (оба — «подле Лимы речки»), основанные соответственно из «слободских/каринских» Нижнего погоста и Шамарданова в течение 1698—1699 гг. [30, л. 516—847]. Другие названия первой из них — Вверх Чепцы у Лимы, Лима, Нижний погост на Лиме речке, Бакгурт, второй — Шемардановская на Лиме. В начале XVIII в., к 1710 г., появляются современные д. Ворца Ярского района (Тюваевский, из Зянкино, к 1717 г. подселился двор из Большого погоста; потомки последнего вплоть до конца века принадлежали к Бесермянской доле, тогда как остальные — к Удмуртской нижней) и с. Юнда Балезинского района Удмуртии (Люнда, Бахтеевской, Люнда Бахтеев / Большая Юнда / Старая Юнда), основанное выходцами из Большого погоста и Гордино. При этом большая часть гординских бесермян вскоре вернулась обратно, а из Большого погоста продолжались подселения как минимум до середины XVIII в. Совместно с удмуртами выходцы из пог. Шамардан в качестве половников татарина Сеитхула Касимова в это время также заселились в поч. Верхний Кештымский (д. Верх-Кештым Балезинского района), но уже к 1717 г. они в том же статусе проживали в татарской д. Кештым (Балезинский район), а к 1762 г. их потомки были среди жителей поч. Бектышевская пустошь в вершине речки Бачумшур. Вероятно, это была первая, неудачная, попытка основать д. Бектыш Балезинского района: к 1782 г. данное поселение уже не фиксировалось и вновь появилось к 1834 г. Интересно, что в 1747 г. в Верх-Кештыме, кроме удмуртов, числились уже не связанные с бесермянами новокрещеные татары, которые позже, по всей видимости, обудмуртились. Среди первопоселенцев удмуртской д. Кычен Юкаменского района (Кичон на речке Кичоне, Кычановская) некоторое время находились также бесермяне из Ежево [33, л. 489—690; 34, л. 161—196; 17, л. 1—200 об.; 18, л. 240 об. — 244 об.; 20, л. 90 об.; 21, л. 1—1156 об.; 27, л. 559—713 об.].

Материалы переписной книги «прибылым дворам» 1714 г., соотнесенные с данными ландратской переписи 1717 г. и сказок I—III ревизий, отмечают появление на территории современного Юкаменского района деревень Жувам (Вверх Чепцы Джуамовская, Жуамская, Большой Жуам), Верхняя Пажма (На реке Пыжме, Над Пижмою/Пажмою речкою, Пажма, Пажманская, Верхнепажминская над Пажмой речкой) и Турчино (У речки Лимы, Турсинская, Турусинская, Ожгярская, Ожъяр). Жувам в основном через Засеково образовали выходцы из каринских Шамарданова и Большого погоста. Верхняя Пажма совместно с татарами основана из Починков, позже туда подселились выходцы из Засеково (через Абашево) и Нижнего погоста. Наконец, Турчино было основано из Ежево, позднее сюда заселились бывшие жители Кештыма и, возможно, Ворцы. В Ярском районе меж-

ду 1710—1714 гг. из Нижнего Мочагино, позже Большого погоста образуется д. Моино (Вверх Чешцы по названию Мои, Вверх Мои, Вермой, Мойя, Мыйвыл, Шунытгурт). Нам не удалось проследить ни истоки, ни направление исхода бесермянского двора 1722 г. в д. Пажма (На Пажме; современная д. Нижняя Пажма Юкаменского района?). В последующем здесь отмечались крещенные в большинстве татары (Касимовы, Бекмансуровы, Мышкины), однако начиная как минимум со второй половины XIX в. вновь указывались бесермяне. Предками последних можно предполагать крещеных татар [16, л. 6—8 об.; 34, л. 161—196; 17, л. 1—200 об.; 25, л. 338—340 об.; 27, л. 559—713 об.; 56, л. 364; 52, л. 357—363; 58, с. 223—232].

Вторая четверть — середина XVIII в.: переселенческое затишье, христианизация, формирование фамилий

По данным I ревизии (1722 г.), подавляющая часть бесермян проживала в селениях Бесермянской доли Каринского стана (волости) Хлыновского уезда. Они также числились при татарских дворах Татарской доли, находясь в статусе половников и срочных работников (например, в Починках и Кестыме), были причислены к удмуртским Верхочепецким Нижней (Ежево, Зянкино, Красная Слудка, На Пажме) и Верхней (Балезино, часть жителей) долям. В свою очередь, в Бесермянской доле, например Большом Погосте и Гордино, проживало значительное количество татар, в срочных работниках были зафиксированы удмурты и русские. На «кортомах и половьях» этой доли в «Закарынских бесермянских землях» отдельными селениями проживали русские крестьяне. В течение XVIII в. доли Каринского стана дробились и бесермяне стали принадлежать, например, Лекомской стороне Бесермянской доли, Ежевским деревням Верхочепецкой Нижней доли и т.д. За некоторым исключением, бесермяне, как и другие жители Каринского стана, обладали прозвищами, предтечами фамилий, образованными на основе так называемых дедичеств [36]. Их перечень выглядит следующим образом: Абашев, Ахкузин, Алзянов, Алкеев / Алкелдеев, Байкузин / Бакузин / Байкушин / Бахозин, Балтачев / Болтачев, Биянов / Бияков / Бияев, Битюков / Батюков, Бузачев / Будачев, Дюкин / Тюкин, Зансаров / Зянсаров / Зянсаев, Зямалеев / Зяналеев / Заналеев, Зянкин, Зянахбеев, Кебеков, Кедаков / Кедяков / Кедянов, Кибешев / Кебешев, Кибдышев, Кнешев, Кубанов, Митюков / Мутуков, Одяков, Рысев, Сабреков / Савреков / Себряков / Забреков / Реков / Сабрюков, Сарбаев, Сарбулатов, Сышев, Тавышов / Тавышев / Таушев, Тютин, Уляев, Ункудинов, Уразлеевых, Урасин, Ураскузин / Ураскозин, Чипышев / Чибышев, Шихалеев / Шихалев [27, л. 559—713 об.].

Особо следует отметить, что в течение XVII—XVIII вв. бесермяне, как и их соседи удмурты и татары, активно переселялись за Каму. Так, около 1631 г. из Ежева бежало в Уфимский уезд семейство Алгаша Карачева, отсюда же по переписи 1647 г. переехавшим в Казанский уезд отмечен двор Баиша Баушева. В 1736 г. ушедшими «в башкирцы» были указаны 210 ревизских душ из Бесермянской и Татарской долей (т.е. в основной массе бесермяне и татары). В 1762 г. в д. Белебей-Тамак Казанской дороги Уфимского уезда Оренбургской губернии (ныне часть г. Белебей?) среди удмуртов находился выходец из Гордино Яков Борисов, «по-татарски» Уразай Иванов, с женой-татаркой и тремя дочерьми [31, л. 613; 26, л. 41 об. — 42; 35, л. 763 об.; 4, с. 132]. Основания отдельных селений этноса здесь не произошло, вероятнее всего, ушедшие бесермяне тогда же вливались в состав татарского и удмуртского народов.

Оживленное переселенческое движение бесермян, документально фиксируемое в середине XVII — начале XVIII в., в последующем сменяется относительным, примерно 50-летним затишьем, временем хозяйственного освоения пространства вокруг основанных ранее поселений. Вплоть до середины XVIII в. происходили только межпоселенче-

ские миграции. Единственным исключением является выделение из Ворцы к 1762 г. поч. Артык (современный Красногорский район), но и то уже к 1782 г. его население заместились на русское [22, л. 266 об. — 267; 56, л. 360].

Важным следует признать момент христианизации в это время: бесермяне в отличие от северных удмуртов массово крестились не ко второй (1744—1747 гг.), а к третьей (1762—1764 гг.) ревизии. Значимая часть народа, которая не приняла крещение, в основной своей массе в этот период начала движение к ассимиляции, вхождению в состав чепецких татар. Уже в это время общей тенденцией, пусть и с исключениями, стала принадлежность некрещеной части бесермянских деревень вместо Бесермянской доли к Татарской, а в конце XVIII — начале XIX в. — «некрещеной» Починошной волости (вошедшей в 1825 г. в Чуринскую).

К оформившимся в начале XVIII в. прозвищам-фамилиям добавляются и частично замещают их фамилии, полученные при крещении (Акимов, Бакулев, Береснев, Бородин, Булдаков, Веретенников, Вершинин, Журавлев, Иванов, Калинин, Караваев / Короваев, Касаткин / Косаткин, Козлов, Котельников, Кузнецов, Курочкин, Кутявин, Люкин, Лялин, Макаров, Малых, Мальгин, Матушкин, Милькин, Наговицын / Нагавицын, Невоструев, Полуполковников, Пономарев, Попов, Поторочин / Поторочинов, Прозоров, Пушкарев, Русанов, Русских, Рычков, Семакин, Стрелков, Трефилов, Трифанов / Трифионов, Тронин, Федоров, Филимонов, Хитров, Хохряков, Шибанов, Юферев). При этом необходимо заметить, что в последующем бесермяне могли менять фамилии. Наметившийся их набор как исключал отдельные прозвания, так и дополнялся новыми и в «дохристианском» (Байбашев, Банкелдеев, Бегенеев, Бекмеметев, Бибанаев / Ибанаев, Ишмамметев, Камаев, Зямбаев / Зянбаев, Зянбахтин, Зянкеев / Зянкиреев, Зянмамметев, Зянтереков, Иштуганов, Сарманаев, Сункудилов, Туктамышев, Усенов), и, вероятно, «христианском» (Мышкин, Симанов, Шмелев и др.) спектрах [22, л. 188—271; 19, л. 448—460; 23, л. 100—104; 24, л. 338—408; 25, л. 49—494; 26, л. 41 об. — 42].

Колонизационный рывок, начало массового «ухода в татары», усиление русского и удмуртского влияния во второй половине XVIII — начале XIX в.

Новый колонизационный рывок начинается в 1760-е—1770-е гг.¹ К сожалению, в силу особенностей используемого источника мы не располагаем точными сведениями об истоках основания новых бесермянских селений, появившихся к 1782 г., и можем в некоторых случаях только их предполагать. Например, вполне очевидно возникновение Мочагинского займища из Нижнего Мочагино (его следы после 1816 г. нами не прослежены). Из Гордино наиболее вероятно основание починков на пограничной территории современных Балезинского и Глазовского районов: У речки Варыша (Татарская Быня, Верх-Варыж, Близ-Варыж; возможно, в течение первой половины — середины XIX в. данный населенный пункт исчезал и появлялся вновь), Гурзя (Гурзешур, Гурзи; к 1795 г. подселяются крещеные и некрещеные бесермяне из Гордино) и Варышский (Большой Варыж, совместно с удмуртами, при этом, вероятно, после 1858 г. бесермяне отселились, например, в Близ-Варыж). Образование первых двух указанных селений из Гордино подтверждается преданиями. С Ежево и Турчино связано появление двух починков Сылшурских. Первый из них (над речкой Талицкой), который можно отождествить с исчезнувшей в наши дни д. Солшур Юкаменского района, был основан совместно с русскими, позже здесь фиксировались также некрещеные татары. Между 1782—1795 гг. часть первопо-

¹ В отдельных случаях официальное основание населенного пункта происходило позже его фактического появления. Так, по материалам III ревизии мы не наблюдаем отдельной сказки поч. Сылшур (речь о нем пойдет ниже), который официально будет зафиксирован к IV ревизии (1782 г.), однако в сказках других деревень (Верхняя Пажма и Абашево) отмечены 2 случая брачных контактов с ним [24, л. 363—367].

селенцев, носители фамилии Балтачев, вернулась в предположительную материнскую д. Ежево. Второй (над Талым ключом) до 1796/97 г. принадлежал к Турчинскому десятку Ежевских деревень Лекомской стороны Верхочепецкой нижней доли, его жители носили фамилию Кутявины, которая имеется также в Турчино. К 1811 г. он либо исчез, либо вошел в состав первого поч. Сылшурский. В источниках 1816 г. и позже с ними можно увязать поч./д. Сылшурский/Солшур, населенный только русскими крестьянами, хотя и в XX в. здесь проживали носители бесермянской по происхождению фамилии Балтачев. Из Починков можно предполагать возникновение бесермяно-татарской д. Кесшур (Ключевской; основная фамилия — Абашевы, имеются более поздние подселения из предполагаемой материнской деревни) и д. Павлово (Турпуз, исчезла в XX в.; Баккозины, Берсенева; не указана Т. И. Тепляшиной как бесермянская, возможно, обудмуртилась). Из Турчино вероятно появление д. Филимоново (Кионпи, Кионгурт; к 1795 г. подселяются выходцы из Верхней Пажмы (Касимовы) и Ежево или Ворцы). Из Засеково, как мы думаем, возникла исчезнувшая в XX в. д. Старый Поркар (Поркарской над речкою Убытью, Дасос, Медештем). К 1816 г. она исчезла, между 1850—1858 гг. заново основана русскими; вероятно, в XX в. в нее подселились некрещеные Балтачевы. Также с Засеково следует увязать появление д. Малый Дасос (Дасос, Поркар). Крещеные и некрещеные¹ вплоть до реформ П. Д. Киселева 1837—1841 гг. здесь принадлежали к разным волостям, при этом среди первых отмечены подселенцы из Старого Поркара (об этом сохранились предания), среди вторых — из Ворцы. Из Абашево и Ворцы возникли, соответственно, ныне не существующие д. Азраково (Матвеевский, Матвеевский Азрак) и д. Байкуши (Верх-Сылшурский, Верх-Шошурский). В последней первоначально проживали некрещеные бесермяне, к 1795 г. подселяются крещеные Дюкины из Ворцы, несколько позже — удмурты из д. Кочуково и татары из Починков. В источниках со второй половины XIX в. бесермяне здесь уже не отмечались. Предположительно, происхождение из Ворцы имели исчезнувший или слившийся с каким-то иным к 1811 г. поч. Моинский у речки Мои и д. Логошур Ярского района (Вверх Мои речки Логошурской, Тамонский, Тольенки, Талигурт; в сказках последующих ревизий отмечались выселения и подселения из возможной материнской деревни) [56, л. 267, 358 об. — 364; 42, л. 480 об. — 483 об., 502—504 об.; 43, л. 63; 44, л. 531 об. — 542; 46, л. 83—84; 49, л. 289—301, 413—417; 50, л. 695—698; 51, л. 183—185 об., 871—876; 52, л. 387—392, 405—409, 425—431, 613—621 об., 767—771, 951—959 об.; 53, л. 535—548; 55, л. 522—533, 539—545; 13, с. 82, 91, 311; 60, с. 154]².

Бесермяно-удмуртское происхождение имеет также д. Тарсаки (Андреевский над Пажмой речкой, Лезино) Юкаменского района, в которой уже со второй половины XIX в. бесермяне не жили. Вплоть до 1811 г. она принадлежала к разным малым административно-территориальным единицам (бесермянская часть — к Ежевским деревням Лекомской стороны (Вершинины) и Турчинскому десятку этих же деревень (Кутявины)). К 1782 г. (IV ревизия) официально фиксируются также деревни (как и в других случаях, чаще первоначально починки) Васепиево (Вверх Мои речки над ключом, Верхмоинский; Ярский район) и Мустай (Потрошурский, Петрошурский, Нижний Петрошурский; крещеные и некрещеные Байкозины с татарами Бузанаковыми и Есенеевыми, Юкаменский район). Исчезли относительно вскоре после возникновения два починка Сурзинских некрещеных бесермян. Из первого к 1834 г. жители в основном выселились в Малый Дасос, Верх-

¹ В частности, здесь некрещеные бесермяне позже отатарились, что и было отмечено П. М. Сорокиным.

² Данные о фамилиях имеют определенное обобщение на интернет-ресурсе «Родная Вятка» на соответствующих страницах поселений (например, по д. Кесшур: [14, <https://rodnaya-vyatka.ru/places/85534>]).

нюю Пажму и, предположительно, в ныне не существующую д. Зягруд (один оставшийся двор в 1833 г. был, по всей видимости, слит с другим, возникшим к 1795 г. поч. Сюрзинским). Второй исчез еще раньше — к 1816 г. Поч. Шошурский (Солшурский) крещеных бесермян, возможно, к концу первой трети XIX в. слился с последующей ассимиляцией с ныне исчезнувшей русско-удмуртской д. Солшур Юкаменского района [56, л. 358 об. — 361, 364; 42, л. 479 об. — 481 об., 501—501 об.; 43, л. 56—58; 46, л. 51 об. — 53; 50, л. 637—640, 659—661 об.; 51, л. 191—193; 52, л. 303—310, 437—440, 943—949 об.].

Еще один поч. Сюрзинский (д. Колбенки Юкаменского района) появляется из Починков к 1795 г. Его жители уже к 1834 г. числились некрещеными татарами. Один из них, Абдрахим Байкозин, к 1850 г. принял крещение и стал Иваном Семушиным, но его не поддержала даже жена, дети также остались некрещеными. К концу XIX в. здесь произошло замещение населения на русских. Из Ежево к моменту проведения V ревизии (1795 г.) в Юкаменском районе появляются д. Усть-Лем (Вниз устья Лемского над Лекмою, Седбам; крещеные, в том числе из Палагая-Гулекшура) и д. Сыга (Михайловский над Пажмой речкой). Связь с Ежево можно предположить из названия новопоселенной д. Ежевская, основанной через поч. Сылшурский крещеными Балтачевыми. В последующем, однако, данный населенный пункт не учитывался. Д. Сидорово Юкаменского района (Сидоровский над Лекмой, Пулькино) была основана из Татарских Ключей крещеными Балтачевыми, в следующую, VI ревизию (1811 г.) к ним добавились крещеные татары. VIII ревизия (1834 г.) учла здесь крещеных и некрещеных бесермян и некрещеных татар, к середине XIX в. к ним подселились русские крестьяне. В Юкаменском районе с Палагаем в этот период связано основание «некрещеных» д. Малый Вениж (Максюта) и д. Зягруд (Сюрзинский над ключом, Кочопи, Верхние Юнусенки, Верхние Татары; первоначально среди шести основателей был один крещеный, к 1811 г. массово подселились некрещеные татары из Починков, сразу ставшие большинством), с Жувамом — «крещеной» д. Митрошата (Над Лекомским ключом Митрофановский, Митрошка; массовые подселения из материнской деревни отмечались также в 1796, 1802, 1808 гг.). Связанные с Моино и Ворцей поч. Вверх Мои Логошурский (крещеные и некрещеные, которые, вероятно, подселились в отмеченный выше Логошур, но к 1811 г. вернулись в Моино) и две деревни Ворца (одна была основана из поч. Вверх Мои Логошурский, другая — из поч. Моинский, вполне вероятно это было одно селение, жители которого относились к разным малым административно-территориальным единицам, Лекомской стороне Каринской бесермянской доли и Ежевским деревням Лекомской стороны Верхочепецкой нижней доли) исчезли к 1811 г. [42, л. 484—487, 490—490 об.; 43, л. 61 об. — 63 об.; 44, л. 542 об., 546 об. — 547 об.; 52, л. 215—221 об., 337—340, 375—379, 443—447, 1017—1025; 54, л. 1245—1252; 10, с. 227].

В 1798 г. из Ежево и поч. Сылшурский была основана исчезнувшая в XX в. д. Пиканы (Ивановский, крещеные, позже подселились русские), в 1810 г. из Турчино — д. Истошур (Иштошурский, Пислеговский, Пислегурт; крещеные) Юкаменского района. Крещеные бесермяне (Двиняниновы) из Тутаево между 1795—1811 гг. основали поч. Над ключом Падеринским, к 1816 г. отсюда же сюда переселились некрещеные Балтачевы. Вероятно, к 1850 г. он слился с основанным позже бесермяно-русским поч. Бадеринский. К 1811 г. крещеные бесермяне подселились в удмуртскую д. Большое Доронино Юкаменского района (У речки Ю Чурмановский, Ючурмановский, Доронино), но к 1834 г. перестали в ней числиться. Некрещеные бесермяне (в значительном меньшинстве) отмечались также в д. Верхний Дасос (Дасос, Мурсалим; Юкаменский район), однако с момента основания в конце XVIII — начале XIX в. в нем официально проживали крещеные и некрещеные татары, которые, впрочем, судя по фамильному составу (Митюковы, Балтачевы), вполне

могли иметь бесермянское происхождение. Возможно, с русской д. Чупино (Дюжниношур, Юкаменский район, год основания — 1806) слился либо находился где-то поблизости основанный некрещеными из Палагая и существовавший вплоть до середины XIX в. поч. Дюржинашурский (Дюжниношурский, Силки, Абашева). По всей вероятности, между 1811—1816 гг. первоначально как удмуртская появилась д. Каменное Юкаменского района. По материалам второй половины XIX в. в ней были отмечены только крещеные бесермяне, по данным конца XIX — начала XX в. — в основном русские и частично бесермяне. До 1811 г. некрещеные татары из Татарских Ключей в относительной близости основывают д. Пасшур. В 1816 г. жители селения числятся крещеными татарами, в 1834 г. — крещеными бесермянами, при этом от первопоселенцев остаются только мать двух умерших братьев и дочь одного из них. «Список населенных мест Вятской губернии» 1876 г. отмечает совместное проживание с русскими, которые, вероятно, подселившись после 1834 г., к концу XIX в. стали преобладать значительно [45, л. 32—32 об.; 46, л. 60—61 об., 141 об., 145; 47, л. 48 об. — 49, 82 об. — 83; 48, л. 254 об. — 255, 361 об. — 362; 50, л. 765—768, 775—777; 51, л. 187—189, 311—313 об., 765—768; 52, л. 107—113, 343—345, 433—435, 463—472, 673—677, 801—805 об.; 1, с. СХVIII—СХIX].

К 1834 г. крещеные бесермяне (к сожалению, источники не указали места исхода) совместно с русскими крестьянами на территории современного Юкаменского района основали д. Бадеро (Бадеринский), некрещеные с русскими — д. Кокси (Тутаевский, Какси; судя по одному из названий, из Тутаево) [51, л. 851—858а; 52, л. 483—487]. Стоит предполагать, что в дальнейшем для бесермян наступило определенное переселенческое затишье, наметившееся еще ранее. Сказка IX ревизии (1850 г.) впервые отдельно зафиксировала д. Иманай (Жувам, Малый Жувам; Юкаменский район), в которой проживали носители фамилии Сабреков с именами тюркско-мусульманского происхождения, за исключением 2 сыновей, 7 и 6 лет, умершего отставного рядового Алексея Александрова Сабрекова [52, л. 347—355]. Несомненно, в том числе на основе этнографических свидетельств [13, с. 196, 303]¹, выселение из Жувама не пожелавших креститься в середине — второй половине XVIII в., однако вплоть до середины XIX в. эти населенные пункты существовали под одним названием — д. Жувамская — в разных («крещеной» и «некрещеной») малых административно-территориальных единицах. Свое нынешнее официальное название деревня получила от умершего в 1759 г. Иманая Баймаметева Сабрекова [24, л. 350 об. — 356].

Вторая половина XIX — середина XX в.: последние штрихи

Переселенческие процессы второй половины XIX — середины XX в. имеют достаточно полное отражение в опубликованной литературе. Из данных пореформенной статистики можно сделать вывод, что между 1858—1869 гг. некрещеные бесермяне, вероятно из Гордино (фамилия Тютин), заселили заброшенный удмуртами к 1850 г. поч. При речке Уксекшурке (Унсекшур, ныне исчезнувшая д. Такапи Балезинского района), крещеные из Ежево основали поч. Ежевский (Ежгурт, Тупалпочинка; Юкаменский район) [1, с. СХVIII—СХIX]. По данным, приведенным П. М. Сорокиным, к концу XIX в. некрещеные бесермяне, фактически уже являвшиеся татарами, проживали в основанных в первой половине XIX в. и связанных с Кестымом татарских деревнях Балезинского района Ахмади (Кельявыр) и Бектыш (увязываемые с Гордино и его выселками Тютини и пореформенные подселенцы Дюкины из Ворцы). Крещеные бесермяне, числящиеся удмуртами, согласно дореволюционному исследователю, якобы проживали в ныне не

¹ Заметим здесь, что, например, факт почитания татарами-мусульманами (например, из д. Падера) так называемого бигершая («татарского кладбища») в соседнем бесермянском селении (с. Юнда) далеко не всегда свидетельствует о происхождении их предков от бесермян.

существующем русско-удмуртском поч. Евтоново Ярского района (Вверх по Чуре Еловский, Митенки; удмурты связаны с с. Елово и, возможно, д. Озерки Ярского района). Вероятно, в середине — второй половине XIX в. бесермяне подселились в удмуртскую д. Матвеево (Динькопи, Юкаменский район, не указана Т. И. Тепляшиной как бесермянская). Из Филимоново была основана д. Васильево (Новая Филимоновка, Кионбыж, Тупалпочинка; Глазовский район). Несомненна связь с с. Юнда у ныне являющейся его частью д. Малая Юнда (Юндапочинка, Тупал Юнда). Последняя отмечалась П. М. Сорокиным [57; 13, с. 307; 6; 11, с. 230, 364; 2]. В работе Р. Шубина 1927 г., посвященной бесермянам Вятской губернии (уже без выделенной из нее в 1920 г. Удмуртии), представители народа были отмечены в восьми населенных пунктах Слободского уезда (Абашево, Арасланово, Боронская, Девятьярово, Ильясово, Касимово, Митюково, Муслюмок; при этом подавляющая их часть проживала в основном в Абашево и Митюково, по сути являвшихся частями Большого и Нижнего погостов), а также в трех населенных пунктах Афанасьевской волости Омутнинского уезда. В Афанасьевской волости особого упоминания в силу относительно существенной представленности народа (14 муж., 17 жен.) заслуживает д. Бесермянская (исчезла в начале второй половины XX в., Афанасьевский район Кировской области; одна из фамилий, Мышкины, предполагает местами исхода Палагай, Гулекшур и/или Верхнюю и Нижнюю Пажмы) [59, с. 29—30; 52, л. 357—363, 449—460, 523—544, 565—575 об.].

Данные, приведенные Т. И. Тепляшиной о бесермянских селениях середины XX в., позволяют не только говорить о возникновении новых деревень, но и уточнить бесермянскую принадлежность тех из них, которые появились в конце XIX в., но по каким-то причинам были упущены П. М. Сорокиным¹. Так, ныне русско-удмуртская д. Малая Итча (Итчи) Якшур-Бодьинского района основана в 1887 г. из бесермянских Митрошат. Бесермяно-русско-удмуртские (в том числе с исчезнувшим бесермянским компонентом) деревни Балезинского района Новый Люк (Гурьякар, Гординский починок; судя даже по вариантам названия, из Гордино; исчезла во второй половине XX в.), Битчимшур (бесермяне из Гордино и, вероятно, связанных с ним селений), Тимошино (Тимофеевский, Тимошур; возможно, бесермяне подселились позже) также появились до 1891 г. В конце XIX в. и до 1932 г. народом были основаны д. Тылыс (из Татарских Ключей, Починков, возможно, Малого Дасоса), выселки Лемский и Петровский (вероятнее, в основном из Шамардана и Ежево; последний из них — совместно с русскими, исчез) Юкаменского района, деревни Старое Зянкино² (совместно с удмуртами, вероятно, из Зянкино; ныне исчезла), Рябиновка (из Ворцы, ныне ее часть) и отруб Новиковский (Отруб Русский, совместно с русскими и удмуртами, исчез) Ярского района.

В первоначально удмуртские, удмуртско-русские и русские деревни Андрейшур (Зязегчекам, Чекань, Чекаев, Чекали, Зязег, ныне часть с. Андрейшур), Зяниевое, Бозгон (Люк), Каркашур (Пулыбьил, исчезла) и Удмуртский Пибаньшур (Пибаньшур, Изъвылпочинка; вероятнее, из Ежево или поч. Ежевский) Балезинского района, Порпиево (Порпигурт, Вверх Большой и Малой Сыги, Большой и Малой Сыга, Слывет Новой Сыга), Большие (Чимошур, Петягурт, Петяпи; исчезла) и Малые (Вниз Карсовой, Палагапи, Петяпи; исчезла) Потапи Глазовского района, Балы и хутор Новоселовский (ныне исчезнувшая д. Новоселы (Над Сюрзинским устьем)?) Юкаменского района бесермяне, вероятно, подселились в первой половине XX в. То же можно утверждать относительно многонациональных пос. Балезино, с. Юкаменское и с. Укан (Ярский район).

¹ Как и во многих случаях выше, значительно облегчает поиск систематизированная информация, сконцентрированная на соответствующих страницах населенных пунктов краеведческого портала «Родная Вятка» [14].

² В названии данного населенного пункта отражен факт изначального расположения на его месте материнской д. Зянкино.

За пределами Удмуртии Т. И. Тепляшиной было отмечено проживание бесермян в д. Слудка (скорее всего, ныне исчезнувшая д. Верхняя Слудка, возможно выселение из д. Бесермянская) Афанасьевского района Кировской области, с. Шурала Невьянского, д. Дураново Верхотурского и д. Рамиль Бородулинского районов Свердловской области [13, с. 91, 311; 38, с. 23—35; 8, с. 168]¹. Вне внимания исследователя в Балезинском районе оказались исчезнувшие к середине XX в. выселки из Юнды — д. Верхняя Юнда (1921 г.), д. Усть-Серпашур (1924 г.), отруб Вознесенский (1924 г.) — и Гордино (некий Адам Починок).

Материалы Е. В. Поповой также свидетельствуют о совместном проживании удмуртов и бесермян (удмуртов Симановых, сохранивших историческую память о предках-бесермянах) в д. Слудка (вероятнее, Нижняя Слудка) и основанной из нее в пореформенную эпоху д. Усть-Пышкец (Глазовский район) [13, с. 88, 308, 311].

По большому счету реальностью середины XX в. стала широкая представленность бесермян в целом ряде новых для них, в том числе не отмеченных исследователями, населенных пунктов, включая города. При этом исторические реалии эпохи (например, официальное включение этноса в состав удмуртов в 1930-е гг. — 1992 г.) привели к тому, что большая часть потомков перестала причислять себя к данному народу.

Заключение

Таким образом, в течение XVII — середины XX в. бесермянами или с их участием, либо с их несколько более поздним переселением были основаны более 80 населенных пунктов. Если в 1615 г. народ проживал в 6 погостах и деревнях, то в середине XX в. — не менее чем в 96 «своих» населенных пунктах, не считая подселений в течение первых десятилетий прошлого столетия в более чем 17 селениях. Наиболее значительный рост численности бесермянских деревень и починков имел место во второй половине XVIII — начале XIX в. (1646 г. — 14, 1678 г. — 21, 1714 г. — 33, 1762 г. — 38, 1782 г. — 59, 1795 г. — 70, 1811 г. — 77). Существенная часть из них (более 30) достаточно быстро забрасывалась начиная с XVII в. (5) или вновь покидалась, иногда чтобы через какой-то период вновь обозначить свое присутствие.

В полиэтничных селениях с относительно незначительной представленностью бесермян происходило их постепенное ассимилирование более многочисленными соседями уже на ранних этапах. В основном в течение XVIII в. оформился набор бесермянских фамилий. Массовое крещение середины XVIII в., на наш взгляд, способствовало сохранению народа: потомки не принявшие крещение в последующем, в основном в течение XIX в., включились в состав чепецких татар. Немногочисленные представители последних, в свою очередь, принимая крещение, в дальнейшем часто становились бесермянами. На протяжении всего рассматриваемого времени для этноса было характерно совместное проживание с другими народами (татарами, удмуртами, русскими) и основание с ними селений, подселение в инонациональные поселения и непрепятствование таковому в свои. Наиболее массовое основание новых поселений было характерно именно для территории Северной Удмуртии (в первую очередь, Юкаменского, Ярского и Балезинского районов), где представители народа компактно проживают и в наши дни.

Список источников

1. Вятская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859—1873 годов. СПб. : Центральный статистический комитет МВД, 1876. СХХV, [2], 993 с.
2. Глазовский район: из прошлого в настоящее / сост. В. С. Шудегова. Глазов, 2011. 344 с.

¹ Административно-территориальная принадлежность населенных пунктов Свердловской области, где проживали бесермяне, приведена по состоянию на середину XX в.

3. Гришкина М. В. Численность и расселение удмуртов в XVIII веке // Вопросы этнографии Удмуртии / Удмуртский научно-исследовательский институт истории, экономики, литературы и языка при Совете министров Удмуртской АССР. Ижевск, 1976. С. 95—133.
4. История Удмуртии: Конец XV — начало XX века. Ижевск : Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2004. 552 с.
5. Исхаков Д. М. Татаро-бесермянские этнические связи как модель взаимодействия болгарского и золотоордынского-тюркского этносов // Изучение преемственности этнокультурных явлений. М. : Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, 1980. С. 16—38.
6. Касимов И. Х. Из истории деревни Ахмади Базезинского района и ее мечети // Инзир. 2018. № 17.
7. Луппов П. Н. О бесермянах // О бесермянах : сб. ст. Ижевск : Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1997. С. 19—49.
8. Материалы по статистике Вятской губернии. Т. 7. Сарапульский уезд. Ч. 2. Подворная опись. Вятка : Тип. Маишеева, 1892. 837 с.
9. Напольских В. В. Удмуртская *акашка* ~ бесермянская *акашка* и позднесредневековая этническая история Нижнего Прикамья // Этнография. 2021. № 4 (14). С. 37—54. DOI: 10.31250/2618-8600-2021-4(14)-37-54.
10. Пислегин Н. В. Удмуртское крестьянство и власть (конец XVIII — первая половина XIX в.) / отв. ред. М. В. Гришкина. Ижевск : Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2010. 300 с.
11. Пислегин Н. В., Чураков В. С. Населенные пункты Удмуртского Прикамья XVII — середины XIX в. Ижевск : Удмуртский федеральный исследовательский центр УрО РАН, 2020. 784 с.
12. Попова Е. В. Бесермяне (краткий историографический обзор) // О бесермянах : сб. ст. Ижевск : Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1997. С. 3—18.
13. Попова Е. В. Культовые памятники и сакральные объекты бесермян. Ижевск : Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2011. 320 с.
14. Родная Вятка : краеведческий портал. URL: <https://rodnaya-vyatka.ru/> (дата обращения: 23.05.2024).
15. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 141. 1701 г. Д. 170.
16. РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2262.
17. РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 371.
18. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1136.
19. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1173.
20. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1177.
21. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3190.
22. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3192.
23. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3197.
24. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3198.
25. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3199.
26. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3796.
27. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3835.
28. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 39.
29. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 54.
30. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 339.
31. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 519.
32. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 1030.
33. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 1034.
34. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 1099.
35. Российская национальная библиотека. Отдел рукописей. Ф. Q.IV.259.
36. Тепляшина Т. И. Становление бесермянских фамилий // Советское финно-угроведение. 1969. № 3 (V). С. 189—194.
37. Тепляшина Т. И. Удмуртское влияние на патронимию каринских татар // Советское финно-угроведение. 1973. № 1 (IX). С. 43—47.
38. Тепляшина Т. И. Язык бесермян. М. : Наука, 1970. 288 с.
39. Удмуртское Прикамье по писцовым описаниям и подворным переписям XVII — начала XVIII века [Электронный ресурс] / авт.-сост. В. С. Чураков. Ижевск : Удмуртский ин-т истории, языка и литературы УрО РАН, 2009. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
40. Удмуртское Прикамье по писцовым описаниям и подворным переписям XVII — начала XVIII века. [Электронный ресурс] / авт.-сост. В. С. Чураков. Вып. 2. Ижевск : Удмуртский ин-т истории, языка и литературы УрО РАН, 2016. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
41. Центральный государственный архив Кировской области (ЦГАКО). Ф. 176. Оп. 2. Д. 334.

42. ЦГАКО. Ф. 176. Оп. 8. Д. 6.
43. ЦГАКО. Ф. 176. Оп. 8. Д. 9.
44. ЦГАКО. Ф. 176. Оп. 8. Д. 11.
45. ЦГАКО. Ф. 176. Оп. 8. Д. 18.
46. ЦГАКО. Ф. 176. Оп. 8. Д. 21.
47. ЦГАКО. Ф. 176. Оп. 8. Д. 45.
48. ЦГАКО. Ф. 176. Оп. 8. Д. 60.
49. ЦГАКО. Ф. 176. Оп. 8. Д. 68.
50. ЦГАКО. Ф. 176. Оп. 8. Д. 97.
51. ЦГАКО. Ф. 176. Оп. 8. Д. 99.
52. ЦГАКО. Ф. 176. Оп. 8. Д. 122.
53. ЦГАКО. Ф. 176. Оп. 8. Д. 132.
54. ЦГАКО. Ф. 176. Оп. 8. Д. 145.
55. ЦГАКО. Ф. 176. Оп. 8. Д. 206.
56. ЦГАКО. Ф. 583. Оп. 600. Д. 47.
57. Чураков В. С. Пионер в области изучения демографии каринских татар и бесермян (статья П. М. Сорокина из фондов Санкт-Петербургского отделения Архива РАН) // Иднакар: методы историко-культурной реконструкции. 2015. № 3 (28). С. 223—232.
58. Чураков В. С. Формирование сети сельских поселений Каринского стана Хлыновского уезда в пределах современных границ Удмуртской Республики (по материалам писцовых описаний и подворных переписей XVII в.) // Иднакар: методы историко-культурной реконструкции. 2014. № 2. С. 4—34.
59. Шубин Р. Бесермяне // Статистический бюллетень. Вятка, 1927. № 4—5. С. 28—33.
60. Шутова Н. И. Святые места в окрестностях деревни Малый Дасос: К вопросу о типологии и семантике бесермянских культовых мест // Культовые памятники Камско-Вятского региона: материалы и исследования : сб. ст. Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 2004. С. 154—166.

References

1. *Vyatskaya guberniya. Spisok naseleennykh mest po svedeniyam 1859—1873 godov* [Vyatka province. List of populated places according to the data of 1859—1873]. St. Petersburg, Tsentral'nyi statisticheskii komitet MVD Publ., 1876. СХХV, [2], 993 p. (In Russian)
2. *Glazovskii raion: iz proshlogo v nastoyashchee* [Glazovsky district: from the past to the present]. Glazov, 2011. 344 p. (In Russian)
3. Grishkina M. V. Chislennost' i rasselenie udmurtov v XVIII veke [Number and settlement of the Udmurts in the 18th century]. *Voprosy etnografii Udmurtii* [Questions of ethnography of Udmurtia]. Izhevsk, 1976, pp. 95—133. (In Russian)
4. *Istoriya Udmurtii: Konets XV — nachalo XX veka* [History of Udmurtia. The end of the 15th — the beginning of the 20th century]. Izhevsk, Udmurtskii institut istorii, yazyka i literatury UrO RAN Publ., 2004. 552 p. (In Russian)
5. Iskhakov D. M. Tataro-besermyanskije etnicheskie svyazi kak model' vzaimodeistviya bulgarskogo i zolotoordynsko-tyurkskogo etnosov [Tatar-Besermyan ethnic ties as a model of interaction between the Bulgar and Golden Horde-Turkic ethnic groups]. *Izuchenie preemstvennosti etnokul'turnykh yavlenii* [Study of the continuity of ethnocultural phenomena]. Moscow, In-t etnografii im. N. N. Miklukho-Maklaya Publ., 1980, pp. 16—38. (In Russian)
6. Kasimov I. Kh. Iz istorii derevni Akhmadi Balezinskogo raiona i ee mecheti [From the history of the village of Akhmadi, Balezinsky district, and its mosque] *Inzir*, 2018, no. 17. (In Russian)
7. Luppov P. N. O besermyanakh [About the Besermyan]. *O besermyanakh: sb. st.* [About the Besermyan. Collect. of articles]. Izhevsk, Udmurtskii institut istorii, yazyka i literatury UrO RAN Publ., 1997, pp. 19—49. (In Russian)
8. *Materialy po statistike Vyatskoi gubernii. T. 7. Sarapul'skii uezd. Ch. 2. Podvornaya opis'* [Materials on statistics of the Vyatka province. Vol. 7. Sarapul district. Part 2. Household inventory]. Vyatka, Tip. Maisheeva Publ., 1892. 837 p. (In Russian)
9. Napol'skikh V. V. Udmurtskaya akashka ~ besermyanskaya akayashka i pozdnesrednevekovaya etnicheskaya istoriya Nizhnego Prikam'ya [Udmurt Akaška ~ Besermyan Akajaška and the Late Medieval Ethnic History of the Lower Kama Region]. *Etnografiya — Ethnography*, 2021, no. 4 (14), pp. 37—54. DOI: 10.31250/2618-8600-2021-4(14)-37-54. (In Russian)

10. Pislegin N. V. *Udmurtskoe krest'yanstvo i vlast' (konets XVIII — pervaya polovina XIX v.)* [Udmurt peasantry and power (late 18th — first half of the 19th century)]. Izhevsk, Udmurtskii institut istorii, yazyka i literatury UrO RAN Publ., 2010. 300 p. (In Russian)
11. Pislegin N. V., Churakov V. S. *Naseleennye punkty Udmurtskogo Prikam'ya XVII — serediny XIX v.* [Populated areas of the Udmurt Kama region in the 17th — mid-19th centuries]. Izhevsk, Udmurtskii federal'nyi issledovatel'skii tsentr UrO RAN Publ., 2020. 784 p. (In Russian)
12. Popova E. V. Besermyane (kratkii istoriograficheskii obzor) [Besermyans (a brief historiographical review)]. *O besermyanakh: sb. st.* [About the Besermyans. Collect. of articles]. Izhevsk, Udmurtskii institut istorii, yazyka i literatury UrO RAN Publ., 1997, pp. 3—18. (In Russian)
13. Popova E. V. *Kul'tovye pamyatniki i sakral'nye ob'ekty besermyan* [Religious monuments and sacred objects of the Besermyans]. Izhevsk, Udmurtskii institut istorii, yazyka i literatury UrO RAN Publ., 2011. 320 p. (In Russian)
14. *Rodnaya Vyatka: kraevedcheskii portal* [Rodnaya Vyatka. Regional history portal]. Available at: <https://rodnaya-vyatka.ru/> Accessed: 23.05.2024. (In Russian)
15. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov* [Russian State Archive of Ancient Acts] (RGADA). F. 141. 1701 g. D. 170.
16. RGADA. F. 214. Op. 5. D. 2262.
17. RGADA. F. 350. Op. 1. D. 371.
18. RGADA. F. 350. Op. 2. D. 1136.
19. RGADA. F. 350. Op. 2. D. 1173.
20. RGADA. F. 350. Op. 2. D. 1177.
21. RGADA. F. 350. Op. 2. D. 3190.
22. RGADA. F. 350. Op. 2. D. 3192.
23. RGADA. F. 350. Op. 2. D. 3197.
24. RGADA. F. 350. Op. 2. D. 3198.
25. RGADA. F. 350. Op. 2. D. 3199.
26. RGADA. F. 350. Op. 2. D. 3796.
27. RGADA. F. 350. Op. 2. D. 3835.
28. RGADA. F. 1209. Op. 1. D. 39.
29. RGADA. F. 1209. Op. 1. D. 54.
30. RGADA. F. 1209. Op. 1. D. 339.
31. RGADA. F. 1209. Op. 1. D. 519.
32. RGADA. F. 1209. Op. 1. D. 1030.
33. RGADA. F. 1209. Op. 1. D. 1034.
34. RGADA. F. 1209. Op. 1. D. 1099.
35. *Rossiiskaya natsional'naya biblioteka. Otdel rukopisei* [National Library of Russia. Department of Manuscripts]. F. Q.IV.259. (In Russian)
36. Teplyashina T. I. Stanovlenie besermyanskikh familii [Formation of Besermyan surnames]. *Sovetskoe finno-ugrovedenie* [Soviet Finno-Ugric studies], 1969, no. 3 (V), pp. 189—194. (In Russian)
37. Teplyashina T. I. Udmurtskoe vliyanie na patronimiyu karinskikh tatar [Udmurt influence on the patronymy of the Karin Tatars]. *Sovetskoe finno-ugrovedenie* [Soviet Finno-Ugric studies], 1973, no. 1 (IX), pp. 43—47. (In Russian)
38. Teplyashina T. I. *Yazyk besermyan* [Language of the Besermyans]. Moscow, Nauka Publ., 1970. 288 p. (In Russian)
39. Churakov V. S. (author-comp.) *Udmurtskoe Prikam'e po pistsovyim opisaniyam i podvornym perepisyam XVII — nachala XVIII veka* [Udmurt Kama region according to scribal descriptions and household censuses of the 17th — early 18th centuries]. Izhevsk, Udmurtskii in-t istorii, yazyka i literatury UrO RAN Publ., 2009. 1 elektron. opt. disk (CD-ROM). (In Russian)
40. Churakov V. S. (author-comp.) *Udmurtskoe Prikam'e po pistsovyim opisaniyam i podvornym perepisyam XVII — nachala XVIII veka* [Udmurt Kama region according to scribal descriptions and household censuses of the 17th — early 18th centuries]. Is. 2. Izhevsk, Udmurtskii in-t istorii, yazyka i literatury UrO RAN Publ., 2016. 1 elektron. opt. disk (CD-ROM). (In Russian)
41. *Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Kirovskoi oblasti* [Central State Archives of the Kirov Region] (TsGAKO). F. 176. Op. 2. D. 334.
42. TsGAKO. F. 176. Op. 8. D. 6.
43. TsGAKO. F. 176. Op. 8. D. 9.
44. TsGAKO. F. 176. Op. 8. D. 11.
45. TsGAKO. F. 176. Op. 8. D. 18.

46. TsGAKO. F. 176. Op. 8. D. 21.
47. TsGAKO. F. 176. Op. 8. D. 45.
48. TsGAKO. F. 176. Op. 8. D. 60.
49. TsGAKO. F. 176. Op. 8. D. 68.
50. TsGAKO. F. 176. Op. 8. D. 97.
51. TsGAKO. F. 176. Op. 8. D. 99.
52. TsGAKO. F. 176. Op. 8. D. 122.
53. TsGAKO. F. 176. Op. 8. D. 132.
54. TsGAKO. F. 176. Op. 8. D. 145.
55. TsGAKO. F. 176. Op. 8. D. 206.
56. TsGAKO. F. 583. Op. 600. D. 47.
57. Churakov V. S. Pioner v oblasti izucheniya demografii karinskikh tatar i besermyan (stat'ya P. M. Sorokina iz fondov Sankt-Peterburgskogo otdeleniya Arkhiva RAN) [A pioneer in the study of the demography of the Karin Tatars and Besermyans (article by P. M. Sorokin from the collections of the St. Petersburg branch of the Archives of the Russian Academy of Sciences)]. *Idnakar: metody istoriko-kul'turnoi rekonstruktsii*, 2015, no. 3 (28), pp. 223—232. (In Russian)
58. Churakov V. S. Formirovanie seti sel'skikh poselenii Karinskogo stana Khlynovskogo uезда v predelakh sovremennykh granits Udmurtskoi Respubliki (po materialam pistsovykh opisaniy i podvornykh perepisei XVII v.) [Formation of a network of rural settlements of the Karinsky stan of the Khlynovsky district within the modern borders of the Udmurt Republic (based on materials from census descriptions and household censuses of the 17th century)]. *Idnakar: metody istoriko-kul'turnoi rekonstruktsii*, 2014, no. 2, pp. 4—34. (In Russian)
59. Shubin R. Besermyane [Besermyans]. *Statisticheskii byulleten'* [Statistical Bulletin]. Vyatka, 1927, no. 4—5, pp. 28—33. (In Russian)
60. Shutova N. I. Svyatilishcha v okrestnostyakh derevni Malyy Dason: K voprosu o tipologii i semantike besermyanskikh kul'tovykh mest [Sanctuaries in the vicinity of the village of Malyy Dason. On the typology and semantics of Besermyans' religious places]. *Kul'tovye pamyatniki Kamsko-Vyatskogo regiona: materialy i issledovaniya: sb. st.* [Religious monuments of the Kama-Vyatka region. Materials and research. Collect. of articles]. Izhevsk, UIIYaL UrO RAN Publ., 2004, pp. 154—166. (In Russian)

Информация об авторе

Н. В. Пислегин — кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник

Information about the author

N. V. Pislegin — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Senior Researcher

Статья поступила в редакцию 23.05.2024; одобрена после рецензирования 19.07.2024;
принята к публикации 20.08.2024

The article was submitted 23.05.2024; approved after reviewing 19.07.2024;
accepted for publication 20.08.2024